

Андрей ПОСНЯКОВ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
П62

Серия «Попаданец»

Выпуск 47

Оформление художника *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

П62 Посняков, Андрей Анатольевич

Судьба гусара: роман / Андрей Посняков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 384 с. (Попаданец).

ISBN 978-5-17-107893-5

Денис Давыдов, гусар, поэт, забияка! Он пишет стихи и басни, рвется на войну, дерется на дуэлях из-за красивейших женщин... И помнит, что эта эпоха — не его!

Душа нашего современника, почти полного тезки лихого гусара, угодила в чужое тело и в чужое время... молодой человек пытается найти пути выхода, однако оказывается втянутым в неудержимый водоворот событий, не дающих опомниться.

Он совсем почувствовал себя гусаром — и стал им. Поэтом, душой компании и тем, кого называли — хват! Чувство долга властно тянет молодого человека на войну с Наполеоном, и Денис хлебнет горестей военных действий сполна. И в Восточной Пруссии, под Фридландом и Прейсиш-Эйлау, и чуть погодя, в снежных лесах Финляндии, во время русско-шведской войны...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-107893-5

© Андрей Посняков, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

В лучах восходящего солнца сверкнула сабля. Удар, звон! Соперник подставил клинок, потянул на себя с противным, рвущим душу скрипом. Снова удар... Денис отскочил, уклонился, пропустив слева от себя разящую сверкающую смерть. И тут же ударил сам...

Снова звон, отбив... и холодная ярость в темных глазах врага. Впрочем, нет, он все ж таки не враг, этот поручик Венькин. Просто дурак. Истинный ярмарочный дурень, «ванька», относящийся к женщинам так, как деревенщина-простолюдин. Нет, ну надо ж додуматься — ударить! Пусть и пьян был в умат...

Выпад... удар... потом наотмашь, хитро — вжик! На левом запястье Дениса закровянилась тонкая полоска — царапина. Хорошо, не по венам пришелся удар. С другой, противоположной, стороны.

Темные глаза поручика сверкнули злобой... Венькин — еще тот фрукт, особых друзей в полку не имел. Вообще у него никаких друзей не было, такой уж Венькин человек. Недаром собирался переводиться в другой полк... или вообще — на статскую.. Это гусар-то!

Выпад! Укол! А-а-а, вот, шалишь, не достанешь. А ну-ка эдак вот, боком... и покружить, и покружить... Ага! Заволновался... Забегали, забегали глазки! Ишь,

дернулся, нелепо так, со страхом... да и устал — по всему видно — устал. Фигурою Венькин длинный, сутулый, пусть и жилистый, но дохлый. Не то что коренастый крепыш Денис!

Неужели правда — на статскую? В присутствии штаны просиживать, по Табели — губернским секретарем. Не шибко-то! В гусарах-то, чай, повеселее будет. Впрочем, Венькин по жизни унылый тип, можно даже сказать — сумрачный, с этакой подлейкой...

Вот и сейчас — кружил, кружил... Выпад! Эдак хитро, с уклонением... и, гад, прямо в шею целил... Был бы Денис ростом повыше — хана! А так... присел только... упал на одно колено и — выпадом! — достал-таки. Достал!

Слышно было, как треснула ткань на синей гусарской куртке-доломане. Красивой, с высокий красным воротником и белым витым шнурами. Другая, верхняя куртка — ментик — валялась неподалеку, в траве.

Удачный выпад угодил поручику в правую руку, в предплечье... туда, куда и надо было, Денис не хотел ни убивать, ни тяжело ранить.

На рукаве доломана выступила кровь. Покривив тонкие губы, Венькин ловко перебрисил саблю в левую руку. То же самое сделал и Денис — пусть силы буду равными. Дуэль так дуэль, все по чести.

Закусив губу, Венькин злобно зыркнул вокруг и бросился в атаку. Уже чувствовалось — из последних сил, уже не хватало ярости, и капала на траву темно-красная кровушка. Лицо поручика сделалось бледным, холеные тонкие усики задрожали... бессильно взмахнув саблей, Венькин вдруг оступился, упал, и выпавшая из ослабевшей руки сабля полетела в заросли таволги, да там и упокоилась, лишь эфес торчал, серебрился.

— Ну, все, все, господа. Кончайте!

Секундант — верный Бурцов, гуляка и рубаха-парень — подойдя сзади, похлопал Дениса по плечу:

— Кончай, кончай, ротмистр. Угомонись, хватит уже. Говорю, хватит, Васильич!

— Да я-то что? — пожав плечами, Денис искоса посмотрел на соперника. Тот уже поднялся на ноги, пошатываясь, поискал глазами саблю...

Тут подошли и другие секунданты — в синих, с белыми шнурами, доломанах и ментиках.

— Все, завязывай, парни! Венькин! Ты не слышал, что ли? Садись, перевязываться будем... Серега, давай бинты.

Разгоня утренний мерцающе-белый туман, поднималось за деревьями солнце. Первые лучи его золотили листву высоких буков и лип, сияли на стволах молодых, выросших на самой опушке березок. Неширокая тропка, вырываясь из леса, взбиралась на холм, вилась по цветочному лугу. Ромашки, васильки, колокольчики. Анютины глазки. И еще какие-то мелкие желтые цветки — во множестве, словно солнышко вдруг наземь упало, разбилось, рассыпалось на тысячу осколков-цветов.

В светло-синем утреннем небе проносились разноцветные бабочки, пролетали над самой травой прозрачнокрылые стрекозы. А птицы! Как пели птицы! Рядом, в малиннике, соловей та-ак заливался! Аж душа сворачивалась, право слово.

— Это не соловей, Денис. Это малиновка.

— Да что ты, Бурцов, дружище?! Что я, соловья от малиновки не отличу? Мы ж с братом все детство — в имении, в деревне. Под Москвою, потом в Грушевке...

— О Грушевке твоей мы, однако, слышали. Ладно — пусть соловей.

Бурцов рассмеялся, залихватски закинув за плечо ментик, и, глянув на приятелей-секундантов, прищурил глаза:

— Однако что в полку говорить будем?

— А ничего не надобно говорить, господа мои, — Венькин, уже перевязанный, встал, опираясь на толстый ствол росшего рядом дуба. — Бумаги о моем переводе пришли. Просто скажите — уехал. А пирушку прощальную не устроил... потому как друзей в полку не завел.

Поручик покусал губы, вздохнул и неожиданно для всех улыбнулся...

— Впрочем, непорядок это, чтоб без пирушки. Ежели не побрезгуете — прошу вечером в шинок. С шинкарем договорюсь, одни мы будем.

— Так, а ты сам-то? — Бурцов озадаченно почесал затылок. Вернее, хотел почесать — да высокий стоячий воротник не дал. Пришлось почесать макушку.

Кашлянув, Венькин хмыкнул в кулак:

— Так для моей раны, господа, вино как раз и будет кстати. А еще лучше — пунш!

— Вот это, Иван Иваныч, по-нашему, погусарски! — тряхнув светлой челкой, одобрительно воскликнул Бурцов. — Ты куда переводишься-то, ежели не секрет?

— В судебное ведомство ухожу, с повышением, — темные очи поручика сверкнули давно затаенною гордостью, смешанной с неким налетом фатовства — дескать, вот он я, какой хват, а вы-то думали... — И, между прочим не просто с повышением, а на два классных чина!

— Да ну ты! — подивился другой секундант, Серега Пушкин, ротмистр. — Неужто на два?

— Говорю же — на два, — Венькин потупил глаза с деланой скромностью. — Сразу в коллежские секретари, а то — и в титулярные!

— В титулярные! Везет же некоторым, ага... — ахнул стоявший чуть позади всех молодой корнет Сашка Пшесинский. Ахнул и, подойдя ближе к Денису, шепнул: — И все равно. Променять гусар на каких-то судейских! Я б — ни за что.

— Эй, Денис Васильевич! — отвернувшись от раненого поручика, Бурцов поманил пальцем. — Вы уж помирились бы, что ли. Теперь уж — чего ж.

Денис повел плечом:

— Что ж, я не против. Однако же...

— Иван тоже не против. Иди.

Секунду помявшись, они все же пожали друг другу руки. Поручик и ротмистр. Иван Венькин и Давыдов Денис.

Какие холодные пальцы у Венькина! Ну да — кровь-то ведь потерял. Ах, поручик, поручик... Что ж ты с женщинами-то так? Право слово, может, и впрямь лучше тебе в судейских, а не в гусарах, нет.

— И все же, Давыдов, помни, — пожимая руку соперника, поручик вновь скривил губы, — полька эта твоя — стерва. Так и знай.

* * *

...так и знай... стерва-полька... сабли... дуэль...

— Денис! Да очнись же, Дэн! Ой, ой, смотрите-ка — очнулся! Ой, лицо-то какое... Девочки, надо его на телефон снять!

— Не надо меня снимать, — придя в себя, Денис — Дэн — замахал руками. — Лучше водки налейте. Осталась еще?

— Да есть...

Бахнули на круглый стол стаканы. Большие, граненые — где такие и взяли-то? Качнулось зыбкое пламя свечей... Кто-то из парней принес с кухни бутылку, забулькал...

— На, Денисушка. Пей!

Дэн хватанул полстакана — залпом, обжигая горло до слез. Не закусывал, не хотелось, хоть и предлагали девчонки:

— Возьми вот орешки... или бутерброд.

— Может, свет уже включим?

— Не-ет! Сначала пусть Дэн расска-ажет... Дэн, ты как?

— Да нормально все, — Денис постепенно приходил в себя и даже попытался улыбнуться, хотя чувствовал себя на редкость паршиво, словно после большой пьянки — с бодуна.

— Расскажу... попить только дайте... А что со мной было-то?

Грудастая блондинка Ольга — однокурсница — принесла воды все в том же граненом стакане. Ее подружка, субтильная брюнеточка Леночка, чуть смугловатая, с большущими синими глазами, заинтересованно махнула ресницами:

— И правда, Денис, расскажи! Неужто случилось у нас?

— Получилось? Выходит, так...

Дэн рассказал. Без особых красок, кратко. Про сабли, про дуэль, про поручика. Больше и нечего было рассказывать.

— И что, всё? — Леночка округлила глазищи. — А что это за полька, из-за которой дуэль?

— Не знаю я, что это за полька, — покачал головой Денис. — Я и видел-то только — дуэль, лес, гусары...

— Гусары! Ой, девочки-и-и...
— И больше — ничего.
— А давайте еще попытаемся! — азартно предложила Ольга.

Денис резко отказался:

— Нет уж! Что-то мне как-то не того.
— Может, еще водки налить?
— Уж спасибо, пойду. Поздно уже. То есть, можно сказать — рано.

Стрелки висевших на стене часов с Мэрилин Монро Энди Уорхола показывали половину пятого утра. Начинаясь день, из-за неплотно прикрытых штор уже пробивался зыбкий утренний свет.

Кто-то предложил вызвать такси, Денис отказался. Лучше было пройтись, собраться с мыслями, подумать — а что это такое было вообще?

— Лен, тебя проводить?
— Спасибо. Я у Оли останусь. А потом — сразу на лекции.

— Так, может, и останемся? — Юрик, приятель, азартно подмигнул Дэну.

— Не, не, мальчики. Нам выспаться надо еще.

Ага, выспитесь. Коли уже утро!

Юрик, кстати, жил неподалеку, в тесной панельной двушке, с родителями и породистым псом.

— Ну, нет так нет.

Выйдя из подъезда, парни попрощались и разошлись. Юрик — к себе, Дэн — к себе, на Пролетарскую. Там он снимал комнату у одной старушки. С третьего курса уже разрешалось в казарме не жить.

Свернув с широкого, безлюдного еще проспекта на тенистый бульвар, Дэн прошагал еще с полчаса, пока,

наконец, не добрался до Пролетарской, почти полностью застроенной старыми одноэтажными домиками, совсем деревенскими, с огородами, палисадниками, заборами... У кого-то залаял пес.

Толкнув калитку, молодой человек поднялся на крыльцо и, стараясь не шуметь, отворил дверь в пристройку. Именно там он и квартировал. Отдельный вход — очень удобно и, самое главное — недорого.

Спать Дэн не собирался — все равно часа через полтора вставать — просто сбросил у порога обувь да улегся на старый диван, устало вытянув ноги. Мысли его, поначалу все более путанные, постепенно приводились в порядок. Порядок Денис любил, потому и поступил в академию полиции, с первого раза кстати. Учиться нравилось, к тому же одногруппники попались спокойные, ровные, как и сам Денис. Правда, что касается Ольги...

Она-то и подбила Юрика — а через него и Дэна — на спиритический сеанс. Мол, будем, как в старинные времена, вертеть столы да вызывать духов. Мол, она сама — медиум, да еще и очень даже хороший, только вот компании нет.

Медиум, о как! А через пару лет, между прочим, придет такой вот медиум в следственный комитет или в прокуратуру. Живые уголовные дела тоже с помощью потусторонних сил расследовать будет? Сам-то Денис, естественно, ни во что такое не верил, просто... не то чтобы за компанию с Юриком, а... Ольга и сама по себе девчонка красивая — кровь с молоком — на самбо так и ребят запросто через себя кидает, а, кроме того, имелась у нее и подружка — Леночка Крутова. Вот на эту-то Леночку молодой человек и запал!

Томная брюнеточка Леночка обладала некой утонченной аристократической красотой, этакая ба-

рышня, ле фамм рафинерэ, словно бы сошедшая со страниц старинных любовных романов. Тоненькая, даже худая, с небольшой грудью и длинными ногами, с синими, как небо, глазищами, сверкавшими из-под почти всегда опущенных пушистых ресниц. Темные, с изысканным оттенком рыжины, волосы, не короткие, но и не длинные, тонкая шейка, чуть вздернутый носик и пухлые, слегка приоткрытые, губки, которые хотелось целовать с такой неодолимой силою, что Денис чувствовал, как потихоньку сходит с ума. Ах, Лена, Лена!

Придет ли он вызывать духов? Это к Ольге-то? Да еще и Леночка Крутова будет? Наивный вопрос — пойдет ли...

Пришли. Он, Юрик, еще один длинный парень в очках — знакомый Ольги, и две девчонки. Вытащили на середину комнаты старинный круглый стол, задернули шторы, свечи зажгли. Еще блюдце с водой — меж свечами. Ольга сказала — надо. Ну, ей лучше знать, она же — медиум.

Первым вызывали Александра Второго — вышло как-то не очень. То ли государь к простолюдинам не захотел явиться, то ли обиделся на Ольгу — та на зачете его судебную реформу едва не завалила, так, кое-как сдала. Так что не откликнулся Александр, не соизволил.

Потом Юрка предложил — Абакумова. Очкарик — звали его Филиппом — лишь хмыкнул да спросил — почему сразу не Берию? Потом Ивана Грозного еще можно, то-то веселуха выйдет!

За Грозного девчонки сразу ухватились, вот, мол — здорово. То, что доктор прописал. Ольга еще добавила, что Грозного многие вызывают. Большой,

видать, популярностью пользуется у медиумов первый русский царь! Прямо отдохнуть некогда, все вызывают, вызывают — являйся.

Не явился и Грозный. То есть Ольга-то, выпучив глаза, сказала, что «дух кровавого тирана» здесь присутствовал, но лично Денис вот почему-то этого никак не ощутил. Разве что штора слегка качнулась. Да и на вопрос ехидного ботана Филиппа относительно смерти царевича Ивана «Грозный» ответил уклончиво, примерно так же, как профессор Огородников с кафедры истории русского права. Точно, мол, неизвестно, но слухи ходили.

— То есть прямых свидетелей нет? — уточнил Юрик.

Резко распахнув глаза, Ольга погрозила ему кулаком — слишком уж громко спросил, вот дух и пропал. Они вообще очень нежные, эти духи.

Кто первым предложил вызвать знаменитого поэта и гусара Дениса Давыдова, Дэн сейчас и не вспомнил. Кто-то из девчонок: то ли Ольга, то ли Леночка. Скорее, Ольга, не зря ведь она так обрадовалась согласию Дэна. Того ведь тоже так и звали — Денис Давыдов. Почти полный тезка! Только не Васильевич, как гусар, а Игоревич.

Мать Дэна, к слову сказать, умерла давно, Денису тогда не было и пяти лет. Отец, пенсионер МВД, бывший следователь, женился во второй раз, потом — в третий и от третьей жены имел уже ребенка, девочку. Славную такую. Дэн в их семью не лез: как только вырос, уехал учиться. Сначала в казарме жил, потом вот снял комнату. Отец к выбору сына отнесся скептически, сказал — «хлебнешь в нашей системе горя». Ну, как бы то ни было, а учиться Давыдову-младшему нравилось, интересно было.

Как так вышло, что Денис буквально провалился куда-то, молодой человек не понимал и сам процесс толком не помнил. Ольга, прикрыв глаза, что-то шептала да, поглядывая в блюдце, делала руками странные пассы. Дэн на все это смотрел, смотрел, потом вдруг — оп! — и в руке — сабля! И сам он — Денис Давыдов, лихой гусарский ротмистр! Дерется на дуэли за честь какой-то неизвестной польки...

— Ой, ты, Дэн, так руками размахивал, так глазами сверкал! — ахала Леночка. — А на вопросыки наши ничего не ответил. А мы тебя, на минуточку, про любовь спрашивали.

Про любо-овь? Вот оно какое дело-то, ага.

Поднявшись на ноги, Денис подошел к полке, взял тоненькую брошюрку — монографию по «Русской Правде», открыл... Попытался вчитаться — подготовиться к сегодняшнему зачету. Только вот что-то мысли в голову никак не лезли. Вернее, лезли, но те, что надо — другие. Что это была за полька? Что за поручик? Об Алексее Бурцове, лучшем друге Давыдова по службе в Белорусском гусарском полку, Дэн знал — кое-что глянул о тезке в Википедии. Только о польке там не было... Или — было? Теперь и не вспомнить... Глянуть? Время-то еще есть, немного, правда.

Молодой человек потянулся к лежащему на столе нетбуку... Что-то защемило в запястье, над кистью правой руки... Царапина! Глубокая такая, длинная... Неужто... След от сабельного удара, блин!

* * *

— А ще кто взяд на чюж конь... а ще кто взядет на чюж конь...